

Они вовсе не ожидали, что Вэнь Жунь в самый разгар всего этого вдруг «намажет подошвы маслом» и соберётся уходить!

Игра ещё не окончена, а «фишка» уже сама сбегает с игрового поля?

Вэнь Жунь хоть и обладал воспоминаниями прежнего «я», но по духу оставался человеком из современности. Поэтому, несмотря на то, что он мог проявлять «достоинство учёного», его смелость и инстинкты были всё же современными.

Он ясно видел, что ситуация накаляется, — зачем же ему здесь торчать и лезть в чужую игру?

Скажем прямо: оба эти господина — чиновники, а он всего лишь цзюйжэнь. В их мире он — никто.

Да и вся эта перетяжка между ними, эти скрытые уколы и политические манёвры — вызывали у него лёгкое отвращение.

К тому же насчёт компенсации он так и не дал чёткого ответа: доволен ли он или нет? Сколько именно считает справедливым?

Неужели они должны сами гадать?

Этот молодой цзюйжэнь оказался куда смелее, чем казался: осмелился уйти прямо у них из-под носа!

— Ну что ж, — вынужденно сказал уездный начальник, — тебе здесь, пожалуй, больше и делать нечего.

Он не мог не отпустить его — особенно после того, как господин Чжан, инспектор образования, одобрительно кивнул:

— Ты многое перенёс. Пойдём, я сам провожу тебя до ворот.

Отлично! Теперь уездному начальнику тоже пришлось сопровождать гостя до самых ворот.

— Благодарю вас, господин Сюэтай, — Вэнь Жунь снова почтительно поклонился.

Так они втроём прошли до главных ворот — путь оказался удивительно гладким и спокойным.

А у ворот уже стояли пять больших повозок, все до отказа нагруженные. Советник Мао стоял тут же и распоряжался возницами:

— Доставьте всё аккуратно! Вернётесь — господин щедро наградит! Поняли?

— Так точно, господин Мао! — хором ответили пятеро возниц, кланяясь.

Рядом, держа в руках кнут и широко раскрыв рот от изумления, стоял старик Чжан. Все эти повозки были явно лучше его собственной, да и возницы — настоящие профессионалы.

По сравнению с ними он выглядел просто как лишний человек, пришедший «для вида».

Он уже собирался было окликнуть Вэнь Жуна, как вдруг заметил, что того провожают сам уездный начальник и какой-то незнакомый важный господин — причём уездный начальник вёл себя перед ним с исключительным почтением.

Вэнь Жунь вежливо простился с чиновниками и направился к старику Чжану, но тут его перехватил советник Мао:

— Господин цзюйжэнь! Это небольшой подарок от господина уездного начальника. Надеемся, вы не откажетесь.

Вэнь Жунь окинул взглядом весь этот «подарок», приподнял бровь:

— О?

Он перевёл взгляд на уездного начальника.

«Где обещанные пятьсот лянов? — подумал он. — Вместо денег — вещи? Так это же подмена понятий!»

— Всё это — лишь малый знак моего уважения, — выкрутился уездный начальник. — Поздравляю вас с получением звания цзюйжэня! Пусть известие пришло и с опозданием...

Тем временем старик Чжан, услышав, что Вэнь Жунь стал цзюйжэнем, буквально засиял от радости. Его старое лицо расплылось в такой широкой улыбке, что, казалось, больше не помещалось на голове.

В Ляньхуаао наконец-то появился цзюйжэнь!

Раньше они завидовали соседним деревням, где рождались суйцаи, — у них же и одного суйцая не было. А теперь — целый цзюйжэнь!

Ведь во всём уезде сколько таких господ? Всего несколько!

Правда, простодушный старик Чжан, несведущий в делах образования, не знал, что обычно уже через полмесяца после экзаменов гонцы с радостной вестью прибывают домой к новому цзюйжэню. А у Вэнь Жуна прошло почти четыре месяца — и только теперь он узнал о своём успехе.

Перед посторонними уездный начальник, конечно, старался сохранить видимость порядка и гармонии.

Странно только, что даже господин Чжан, обычно такой прямолинейный и резкий (каким он показал себя внутри), на этот раз не стал его разоблачать — наоборот, сыграл в одну команду. Видимо, для него тоже было важно не раздуть скандал публично.

— Не волнуйся, — сказал вдруг господин Чжан, — у меня для тебя тоже есть подарок.

Он махнул рукой — и тут же подкатила ещё одна повозка. Эта карета была даже лучше той, что привезла Вэнь Жуна сюда!

Вся карета была новой, только что собранной, да ещё и «цинъюй» — то есть покрытой прозрачным лаком, подчёркивающим натуральную текстуру дерева.

В те времена повозки обычно запрягали одной или двумя лошадьми (чаще — мулами), поэтому их в целом называли «мульскими повозками» (луочэ).

Но для различия между пассажирскими и грузовыми повозками их делили на «большие» и «малые».

Пассажирские повозки были «малыми» — у них имелись навес и боковые стенки, так что внешне они напоминали паланкины. Поэтому их в обиходе ещё называли «цзюйчэ» — «каретами».

Это название и по функции, и по звучанию удивительно напоминало «маленькие автомобили» (цзюйчэ) из прошлой жизни Вэнь Жуна.

Грузовые же повозки назывались «большими» или «открытыми» — у них не было ни боковых стенок, ни украшений.

Кареты делали из дерева. Обычные люди использовали иву, вяз, акацию, берёзу.

А вот императорская семья и знать ездили на каретах из ценных пород: фиолетового сандала, хуанхуали, наньму.

Такое дерево тяжёлое, но у знати были двойные дышла и мощные кони, способные тянуть

такую тяжесть.

Обычные же люди — даже обладатели учёных званий — могли использовать лишь одну лошадь.

Право на двойную упряжку имели только высокопоставленные сановники и представители знати.

После сборки карету покрывали лаком — обычно тёмно-коричневым или чёрным.

А вот кареты из дорогих пород дерева часто оставляли в естественном цвете, покрывая лишь прозрачным лаком — такие и назывались «цинъюй чэ» («кареты с прозрачным лаком»).

Вэнь Жунь как раз мечтал завести себе такую! И вот — подарок уже готов!

Он с восторгом поклонился господину Чжану:

— Ученик благодарит господина Сюэтая за такой дар! Теперь у меня наконец-то будет средство передвижения!

— Так нравится? — удивился господин Чжан. Он просто хотел сделать приятное — для него эта карета была пустяком, но она ясно выражала его поддержку Вэнь Жуню. Ведь тот действительно многое перенёс.

Из-за необходимости сохранить репутацию префекта (своего однокашника) он не мог позволить уездному начальнику раздуть скандал.

— «Лучше пройти десять тысяч ли, чем прочесть десять тысяч книг», — торжественно произнёс Вэнь Жунь. — Ученик, к сожалению, из-за семейных обстоятельств не может странствовать, но теперь сможет возить младших братьев и сестёр: съездить в уездный город, даже в префектурный — расширить их кругозор, дать им увидеть мир.

Господин Чжан знал его положение: Вэнь Жунь «выдан замуж» так, что даже не увиделся со своим формальным «мужем», а сразу взял на себя троих детей — десяти, восьми и шести лет, двух мальчиков и девочку.

Кто на его месте не огорчился бы?

К тому же, когда он приезжал сюда, слышал, что кто-то приходил в дом Вэнь Жуня и требовал отдать его младшую «свояченицу» в чужую семью в качестве невесты-воспитанницы.

Но Вэнь Жунь решительно отказался и заявил, что сам подготовит для девочки приданое и

выдаст её замуж с подобающим почётом. Не «десять ли алого поезда», конечно, но приданое будет щедрым — сестра не потерпит унижения.

Эту историю знал и господин Чжан, и уездный начальник.

— Ты заботишься о младших — это похвально, — одобрительно сказал уездный начальник, а затем, заметив старика Чжана, приветливо улыбнулся: — А, вы тоже здесь? Здравствуйте!

Старик Чжан был польщён до глубины души:

— Здравствуйте, господин! Да, приехал за Вэнь Жунем, везти его домой.

— Отлично! Раз с вами — я спокоен. Как-нибудь зайду к вам на чай! — вежливо сказал уездный начальник.

Старик совсем растерялся:

— А-а, хорошо, хорошо!

На самом деле уездный начальник лишь вежливо бросил пару слов — но даже это было для старика Чжана огромной честью. Ведь Ляньхуа-ао находился в самом низу иерархии уезда — почти на обочине.

Вэнь Жунь громко и чётко произнёс:

— Ученик откланивается! Дома остались младшие братья и сёстры, за которыми нужен присмотр. Не стану задерживаться. Прощайте!

Он ещё раз поклонился обоим чиновникам, затем развернулся и с достоинством взошёл в подаренную ему «цинъюй»-карету.

Его возницей был человек из свиты господина Чжана. Тот подставил скамеечку, и Вэнь Жунь легко забрался внутрь. Откинув занавеску, он осмотрел салон.

Сиденья в таких каретах обычно делали из деревянных досок. В его же карете поверх доски была натянута плотная плетёная сетка из тонкого ротанга, а сверху — толстый, мягкий валик.

Сам валик был обтянут тёмно-синей шёлковой тканью, набит хлопком, а на нём вышиты сосна и бамбук — чётко мужской узор, без цветов вроде пионов или слив, что особенно понравилось Вэнь Жуню.

Карета плавно тронулась. Вэнь Жунь с любопытством осматривал салон.

Пространство было небольшим — но для цзюйжэня это и так роскошь. Всё сделано аккуратно, со вкусом.

Он провёл рукой по стенке — и нащупал потайную нишу. Внутри лежал небольшой ларец.

Достав его и открыв, Вэнь Жунь невольно ахнул.

Внутри аккуратно рядами лежали золотые слитки — «цзинькэцзы», то есть маленькие золотые слитки по два лян каждый. Всего — сто штук.

Вэнь Жунь нахмурился: столько золота?! За всю свою жизнь — и в прошлом, и в этом мире — он никогда не держал в руках таких денег.

К счастью, в ларце лежало ещё и письмо.

Оно было от самого господина Чжана. Вэнь Жунь легко прочитал классический текст, хотя и пришлось немного подумать над формулировками.

Смысл был таков: «Ты многое перенёс, и я искренне сожалею. Но звание цзюйжэня — твоё по праву, и я вернул его тебе. Однако это дело лучше не афишировать — пусть оно останется в рамках уезда Юннин.

Я сам улажу все последствия. Не бойся мести уездного начальника — он скоро будет переведён, а новый начальник будет к тебе благосклонен.

Все положенные цзюйжэню льготы и привилегии ты получишь в полном объёме».

Вэнь Жунь понял: это — «плата за молчание».

И весьма вежливая. Ведь при желании его могли бы просто устранить — кто стал бы искать простого суйца в глуши? Но чиновники предпочли решить вопрос деньгами, чтобы избежать лишнего шума.

А Вэнь Жуню как раз не хватало денег!

Такой исход превзошёл все его ожидания — отлично!

Что до самого звания — он никогда не был фанатично к нему привязан. Быть суйцаем — хорошо, стать цзюйжэнем — ещё лучше.

А с такими деньгами можно начать что угодно!

Он совершенно не чувствовал себя обиженным.

Но всё же... где обещанные пятьсот лянов и лавка от уездного начальника?

Этот вопрос его по-прежнему мучил.

Хотя, глядя на пять повозок, следовавших за его каретой и доверху набитых неизвестно чем, он решил: пока не стоит переживать.

Всю дорогу карета мягко покачивалась, и наконец Вэнь Жунь добрался до Ляньхуаао.

И тут вся деревня буквально взорвалась!

Из всех двадцати с лишним дворов пришли люди — и все собрались у дома семьи Вань.

Вэнь Жунь, едва сойдя с кареты, тут же распахнул ворота, чтобы все повозки могли въехать внутрь.

У них недавно построили новый амбар, и он пока был наполовину пуст — ведь урожай ещё не убрали. Вэнь Жунь планировал заполнить его после осеннего сбора урожая, чем угодно: зерном, бобами, сушёными овощами — лишь бы не пустовал.

А теперь, похоже, заполнится и без урожая!

Повозки въехали во двор, и возницы даже помогли перенести всё добро в оба амбара.

Хотя дом и был новым, он был сложен из сырцового кирпича — выглядел просто, без особой пышности.

К счастью, при строительстве Вэнь Жунь предусмотрел простор: участок был большой, поэтому и амбары получились вместительными. Иначе бы просто некуда было складывать всё это.

Сам Вэнь Жунь тоже заглянул, что же привезли:

Первая повозка — ткани: шёлк, тонкий хлопок и даже четыре отреза домотканой грубой ткани.

Две повозки — зерно: одна — рис, другая — белая пшеничная мука. Такая роскошь в деревне встречалась крайне редко!

Ещё одна — мясные припасы: двадцать полосок вяленого мяса, двадцать связок копчёных колбас, мешок красной фасоли, мешок зелёного горошка и две уже разделанные свинины.

Плюс две большие кадки отличного вина, семь-восемь коробок разнообразных сладостей, а также фундучки, арахис и лotosовые орешки в сахаре с османтусом.

Вэнь Жунь сразу понял: всё это — для угощения односельчан!

Наверняка подготовила супруга уездного начальника. Только женщина могла проявить такую заботу.

Хотя эта госпожа и лезла вперёд с глупыми идеями, но в этот раз проявила настоящее тактичное внимание. Вэнь Жуню даже понравилось. Главное — чтобы больше не повторяла своих «гениальных» ходов.

Последняя карета была доверху набита подарочными коробками — все аккуратно упакованы, украшены лентами и выглядели очень нарядно.

Возница, потирая руки, сказал Вэнь Жуню:

— Эти вещи очень ценные. Их лучше хранить в доме.

— Тогда занесите внутрь! — легко согласился Вэнь Жунь.

Все коробки аккуратно сложили на сундук, стоявший на канге.

Односельчане не решались заходить в дом — толпились лишь у ворот.

Вэнь Жунь расплатился с возницами, но карету оставил себе.

Затем обратился к старику Чжану:

— Заходите, дядя Чжан! Я сейчас схожу к соседям — приведу детей домой.

— А-а! — Старик всё ещё был в полубреду, будто ходил по облакам.

Люди из деревни уже вошли во двор, но в дом не заходили.

Вэнь Жунь только собрался выйти, как дверь распахнулась — и троих детей привели домой.

Увидев его, они бросились навстречу:

— Гэфу!

— Молодцы, гэфу вернулся, — Вэнь Жунь подхватил на руки младшую, Ван Мэй, и позвал двух мальчиков: — Идите сюда! Гэфу привёз угощения. Прошу всех входить!

Но никто не решался.

Дядя Ян громко сказал:

— В доме тесно! Давайте тут поговорим!

Действительно, комната была маленькой — двадцать человек туда не поместятся, а собралось и того больше.

Крестьяне не церемонились с формальностями, и Вэнь Жунь пошёл им навстречу.

Старик Чжан вышел из дома с лицом, полным восторга и недоверия:

— Надо всем сказать! Надо объявить!

Вэнь Жуню было немного неловко, но он раздал всем по коробочке сладостей — почти каждому досталось по угощению.

И только тогда произнёс:

— Уважаемые старейшины и односельчане! Ученик Вэнь Жунь сдал провинциальные экзамены и стал цзюйжэнем!

Наступила тишина. Никто не отреагировал.

Вэнь Жунь растерялся: что за странная реакция?

Наконец маленький Ван Цзюэ потянул его за рукав:

— Гэфу, а что такое «сдать экзамены и стать цзюйжэнем»?

Бедный ребёнок ничего не понимал.

Вэнь Жунь улыбнулся:

— Это значит, что я теперь учёный ещё выше, чем суйцай. Теперь я — господин цзюйжэнь. Понял?

— А-а! Понял!

Остальные тоже закивали:

— Господин цзюйжэнь!.. Господин цзюйжэнь!..

Все вдруг осознали: Вэнь Суйцай теперь совсем не тот, кем был раньше!

И тут деревня оживилась, как рой мух перед едой: все загудели, зашумели:

— Вэнь Суйцай стал Вэнь Цзюйжэнем!

— Господин цзюйжэнь!.. Настоящий господин цзюйжэнь!..

Больше всех был взволнован старик Чжан.

<http://bllate.org/book/15642/1398048>